

Политэкономия Востока: вчера, сегодня, завтра

В институте востоковедения сложилась давняя, богатая традиция экономических исследований стран Востока. Широкий тематический охват включал обзоры незападных экономических структур на отраслевом, страновом и региональном уровнях, а в историческом срезе начинался с древности, включал активную дискуссию по азиатскому способу производства, колониальному и постколониальному периодам, и главным образом, уделял особое внимание возникновению новых трендов, которые подготовили вступление политически независимых национальных сообществ, их хозяйственных укладов и рынков в XXI век. Высокую оценку получил в свое время четверть вековой региональный страновой социально-экономический прогноз до 2005 года. Сегодня в институте делаются полувековые прикидки оценки новой отраслевой динамики в регионе вплоть до 2050 года.

Поскольку нынешняя экономическая конференция, впервые за последние несколько лет, предполагает диалог по заранее заявленным темам, материалам и конкретным вопросам экономического развития, что предусматривает обмен мнениями между участниками встречи в электронном виде, мне представляется важным в данной публикации очертить общие политэкономические контуры стран Востока и заново поставить некоторые ключевые вопросы регионального развития, требующие дальнейшего осмысления. Это продиктовано нашей заботой о происходящем и общей эрудицией специалистов-страноведов, хорошо видящих специфику Востока. Ведь то, как мы определяем нашу проблематику, не просто является отражением наследуемой и принимаемой нами картины мира, но и по-особому настраивает нашу исследовательскую оптику. Преобладавшая в конце прошлого века биполярная модель мировой системы и пришедшая ей на смену глобалистская настройка политэкономической оптики затуманивает своим «универсализмом» ту противоречивую хозяйственную динамику, которая сегодня видится как глобальное и региональное нестроение. Хотелось бы для начала диалога тезисно на этом остановиться.

В слаборазвитых странах после обретения независимости в основном делался упор на протекционистскую, интервенционистскую политику государственного дирижизма, какой бы ни была его окрашенность, прозападной или социалистически ориентированной. За этим стояла не столько чисто экономическая рациональность эффективного управления в условиях деколонизации, сколько мощный социальный потенциал национально-освободительного движения. И это почти полвека в целом определяло ведущие векторы развития стран «третьего мира» [7].

* Немчинов В.М. – к.э.н, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Отдел экономических исследований, diaversity@mail.ru

В странах «второго мира» незападная и открыто антизападная ориентация сформировала картину мира социалистической политэкономии, также ориентированной на прогресс в его риторических, теоретических и практических построениях. В деидеологизированном варианте этот вид хозяйственной жизни сегодня стал также известен под названием раздаточной экономики [1]. Присущий ей мобилизационный упор на сверхцентрализацию позволял несколько десятилетий выстраивать социально-патерналистскую мировую систему, быть на уровне силового равновесия с экономическим потенциалом западных стран, и даже служить весомым противовесом и альтернативой их монопольному влиянию для многих развивающихся стран. Заметим, что важные элементы механизма «раздатка», без раздражающей соседей по западному лагерю риторики, были встроены в скандинавскую модель капитализма, что неудивительно для территорий, расположенных в высоких широтах. Частично раздаток используют не только крупные страны, имеющие большое население, но с недавних пор даже такие малые состоятельные страны как Швейцария.

В современной западной экономической теории либерального типа после великого кризиса 30-х годов, в свою очередь также поняли, что, безусловно, необходимо принимать во внимание такие экономические элементы как «всеобщую занятость, стабильность цен, равновесие платежного баланса, рост ВВП, перераспределение доходов и богатств и обеспечение социального благополучия» [2]. В политэкономической науке именно политическая составляющая различных цветов оказывалась доминирующим «цветовым» маркером, ярким триколором следования разными курсами развития третьего, второго и первого миров вплоть до двух десятилетий триумфа экономического глобализма, имеющего общую камуфляжную окраску. Но в качестве универсальной панацеи евроатлантическая модель не оправдала возлагавшихся на нее экономистами и политиками надежд во многих регионах мира, ставших на рубеже третьего тысячелетия вновь нестабильными.

Политико-экономическая нереализованность сначала идей «нового мышления», «единого общего европейского дома», а затем упущенная возможность мирного, равного добрососедства планетарных акторов, породила новые всплески конфликтности. Тягой неярких лидеров к силовому нажиму за пределами «золотого миллиарда» были разбужены «спящие собаки» в восточных регионах. Произошло превращение этих реальных и потенциальных партнеров в оппонентов, были обрушены режимы, десятилетиями поддерживавшие свой статус-кво, вырос новейший терроризм, да и неожиданный в нашем регионе отказ США от участия в транстихоокеанском партнёрстве привели в XXI веке к еще одной неудаче выстраивания нового мирового экономического порядка в его, как представлялось, однополярной и в универсально доминантной демократичной форме. На смену ей приходят другие новейшие технологические

и региональные политэкономические теории, которые востоковедам имеет смысл углубленно проанализировать.

К первым теориям я бы отнес то, что можно назвать инноватикой – это, прежде всего, концепции так называемого прыжкового развития, нацеленного на внедрение, производство и постоянное улучшение самых передовых товаров и технологий, ставящие страны Востока в один ряд, а то и впереди традиционных промышленно развитых стран Запада. Это то, что впервые удалось сделать Японии, затем Тайваню, а теперь эту стратегию «быть на острие копья» стремятся реализовать Китай, Вьетнам, Малайзия и целый ряд других стран региона. Добиться этого позволяет новая инфо-коммуникативная стилистика ускоренного цифрового воспроизводства и симультанной массовой трансляции постоянно генерируемых инноваций [5]. Скорее всего, в такой модели интенсивного развития формируется именно способность управления потоком иного способа мышления, которая закольцовывается на молниеносно развивающуюся, сетевую компьютерную эпоху интернета вещей. В этом смысле такую важную вещь, как всеохватное слежение и информационное управление индивидуальным спросом надо воспринимать не просто как собственно слежение за динамикой спроса через чипы и сигналы мобильного, но скорее как «креативное» слежение через учет личностных предпочтений и «умное» программирование массового и индивидуального поведения миллионов людей. Именно это дигитализируемое коммуникативное пространство будет ключевым экономическим ресурсом нынешнего века. К подобным микро- и макроэкономическим стратегиям я бы отнес и политэкономическую мысль о необходимости поведенческо-технологической конвергенции как новой форме экзистенциального поиска бытийной истины [5].

Этой футуристически ориентированной бытийно-технологической конвергенции жестко противостоят в парадоксальном сочетании радикальный исламистский проект, незападная религиозная и прозападная секулярная архаика вместе с пока еще относительно маргинальным, но набирающим силу западным популистским радикализмом [4]. По сути дела в политэкономическом смысле речь идет о пока стоящем особняком перспективном научно-исследовательском направлении – экономической герменевтике. Для нового поколения исследователей-востоковедов это пока совершенно незнакомое поле. Здесь региональное рыночное прогнозирование, смысловая футурология, политическая психология и экономическая история смыкаются в то целое, которое А. М. Петров, обсуждая с большой группой профессионально зрелых и неординарно мыслящих ученых-востоковедов сложные понятийные конструкты, назвал «геномом Востока» [9].

В сильном обществе он может давать серьезные экономические преимущества по сравнению с хозяйственной динамикой западных потребительских обществ. Но в разрушенном состоянии социума геном мутирует, вызывая к жизни новые зачатки «пошлого паразитирующего деспотизма», всплески агрессивного трайбализма, распад послевоенной национальной

государственности, провалы в архаику и наступление жестокого варварства в отношении собственного населения. Рассматривая нынешнюю квази-экономическую, псевдо-религиозную и социально-деспотическую дивергенцию на Востоке сквозь призму манипулятивного технологизма, как анти-симбиоз техносферы, укладности, политики и идеологии, мы видим на Ближнем Востоке, в Африке и отчасти в Латинской Америке внесистемные гибридные криминальные антицивилизационные прорывы. При этом следует подчеркнуть, что между Востоком и Западом в принципе не существует никаких «водонепроницаемых» переборок блокирующих просачивание «чужеродных генных обломков».

В западноевропейской неоархаике этому тренду соответствуют манипулятивное экологическое сознание, статусный этос привилегированных меньшинств, распространившийся в пространстве «золотого миллиарда» как инструмент депопуляции. К архаике также относится и резкий рост все более радикальных правоохранительных настроений, что свидетельствует о массовом распространении расщепленной идентичности. Вот почему, представляется важным проследить цепочку когнитивных трансмутаций: постмодернизм – релятивизм – слайдинг по модным стилям – консенсусная веритатизация того, что выступает в виде назначенной истины. Но главное, становится виден запрос на смену самой парадигмы запроса на истину будущего хозяйственного жизнеустройства в условиях, когда жить с чистой совестью оказывается настолько сложно, что становится очевидным недовольство сложившимся миропорядком. Поэтому в самом ближайшем времени можно ожидать появления новых весьма неожиданных западных и восточных политэкономических конструкторов.

Как будет происходить поиск ответов на этот запрос на Востоке? Не нужно представлять себе дело так, будто речь пойдет о замене одной универсальной теории на другую, как это произошло при отказе от когнитивной матрицы марксизма. Осмысленный, хорошо проработанный выбор рационального соотношения между разными видами, укладами и уровнями повседневной хозяйственной жизни насущно необходим для осознанного повышения качества управления и для выработки национальной стратегии многовекторного планирования, уже не ограничивающейся рамками своих государственных границ. Многовекторность в данном контексте не предполагает всенепременного вытеснения искомым новым укладом старых структур, устойчиво существующих в различных слоях национального хозяйства, на что традиционно ориентируется обычная проектная логика догоняющего развития. На этом этапе можно выделить два основных направления региональных экономических исследований.

Первое направление предопределяется сложившейся пространственно-географической и эколого-региональной взаимодополнительностью восточного полушария, образующего огромный трансконтинентальный сверхрегион. Природно-климатический меридиональный разброс экономических зон от заполярья до тропиков потенциально позволяет превращать

многие депрессивные и замкнутые области в экологические и интеллектуальные районы-доноры. Но реализовать эти теоретические возможности в ближайшей перспективе будет совсем не просто. Региональная, национальная и трансграничная востребованность ресурсной составляющей в нынешних условиях будет во многом определяться уже не столько наличием экспортного сырья, сколько новым качеством инфраструктурного управления как сложившимися и вновь создаваемыми транспортно-коммуникационными коридорами, так и стратегической дальновидностью в деле экологизации экономики, приращения и сбережения природного и человеческого капитала. Важно отметить, что для преодоления кризиса нынешней потребительской модели необходимо осуществлять комплексный переход к более эффективным региональным моделям соразвития, где интеграционные возможности будут укрепляться в самых разных сферах.

Второе направление в осмыслении евразийской экономической перспективы связано с собственно незападной спецификой рыночных и внерыночных параметров хозяйственной жизни, бытующей вне зоны «золотого миллиарда». Говоря о капиталистических моделях, функционирующих на Востоке, мы видим их существенное отличие от Запада в составе агентов и бенефициаров, в уровне и направленности мотивации, в динамике трансграничных межукладных перетоков капитала, в формах кооперации, в соотношении частных и государственных стимуляторов и индикаторов эффективности. Понимание и использование этих различий необходимо как в чисто прикладном плане, так и для теоретического сопоставления латентных возможностей евразийских рынков и систем воспроизводства. На этой основе можно в разы расширить как неотрадиционалистские, так и ультра-современные области регионального сотрудничества. Пока этот процесс идет вяло, поскольку поначалу активно востребованный неолиберальный рыночный критерий оказывается здесь недостаточно эффективным в силу свойственного ему пренебрежения рациональным природопользованием, и по причине глубоко укорененной многоукладности, где велика сфера суженного воспроизводства и растет доля натуральных хозяйств, целиком остающихся за пределами товарно-денежных отношений.

Национальные экономические реформы последних десятилетий так и не смогли или не стремились вовлечь в частнокапиталистическое воспроизводство мелких и мельчайших собственников, скорее наоборот, это поколение в целом оказалось вытесненным из современного воспроизводственного процесса. В силу объективных и субъективных обстоятельств они оказались в «экономическом нокауте», когда потери при обмене или в работе по найму превышают получаемую прибыль. В итоге резко возрастает численность нетоварных и докапиталистических угасающих производств. В таких хозяйствах вырабатываемый укладный продукт превращается в товар лишь вследствие внеэкономического принуждения, минуя мотивацию самого производителя, через институт сдач и многочисленных посредников. Бенефициаром и де-факто «хозяйствующим»

субъектом здесь оказывается быстро растущий бюрократический уклад. В итоге на одном социальном полюсе аккумулируется рост без развития, а на другом одновременно блокируется экономическая субъектность значимой массы населения.

Как это ни парадоксально, но представляется, что именно здесь в многоукладной структуре экономики следует искать перспективный ресурс новой евразийской кооперации, которая, в условиях хронической нехватки инвестиций, будет начинаться с низкого старта. Таков мог бы быть путь быстро развивающейся электронной эпохи многоаспектного распределенного воспроизводства.

Но пока этого понимания нет, источники такого рационального роста заглушены. На местном уровне при отсутствии социально-правовой защищенности нарушается связанность в общественных процессах и тогда, экономическая жизнь низовых хозяйственных укладов в целом ряде районов характеризуется дезорганизацией, двойственностью и нестабильностью. Это особенно резко, вопреки ожиданиям чистых рыночников, проявилось в начальный период общественной ломки и хозяйственной трансформации, сопровождавшейся, наряду со становлением потребительского рынка, распространением челночного импорта, бартера и ростом натурального обмена. На этой обедненной экономической основе на многих территориях вновь появились маргинальная многоукладность. Низкое качество управления, лишая такие районы перспектив, попустительствует проявлениям отрицательных социальных черт у деклассированной части населения, что вызывает поляризацию обыденной жизни в странах Востока и подталкивает массовые миграционные потоки, пугающие европейских обывателей.

В этих условиях основу выживания составляет семейная и служебная организация труда, не затрагиваемая механизмами чисто рыночной экономической рациональности. Ее замещают элементы системы сдач и раздач. Присущие раздаточной экономике формы распределения материальных условий для поддержания на базовом, биологически минимальном уровне жизнеобеспечения значительных слоев населения существуют в целом ряде стран евразийского континента, но остаются «белым пятном», находясь вне сферы поля зрения многих экономистов и институциональных разработчиков государственных программ развития регионов. Обратить внимание на эти и сходные с ними сюжеты при обсуждении евразийской экономической перспективы представляется необходимым.

Отсюда, именно от этой минусовой социальной точки отсчета надо вести поиск выхода в евразийскую экономическую интеграцию. Здесь нужно начинать с «низкого старта», потому что без этого и крупные проекты и транспортные мега-инициативы не дадут ожидаемых результатов, будут в конечном итоге провисать, превращаясь в инородные анклавы, не опирающиеся на социальную ткань общества. Одна из важных содержательных сторон перспективной трансграничной экономической интеграции должна включать в себя многоаспектное внимание к поукладным

сопряженным проектам. Востоковеды-экономисты, серьезно занимающиеся теорией общественного развития, знают, насколько глубоко укоренены низовые формы проявления азиатского способа производства, кастовых традиций, нетоварных поукладных практик в современной жизни АТР и как много сегодня там делается для точечной поддержки самого низового хозяйственного сегмента.

На эту основательно забытую сторону евразийской интеграции хочется обратить внимание. Речь в данном случае пойдет о каритарном (благотворительном) укладе, который в четвертом модусе общества потребления (например, в Японии) превращается в солидарную, субсидиарную структуру, повышающую самооценку различных слоев населения. Важно отметить, что интеграционной стартовой точкой тут является уже не производственное, а перераспределительное звено, точнее личностное отношение к достигнутому качеству жизни. Сначала происходит модификация форм потребления, а за ней следует изменение предложения со стороны товарного производства.

В Южной Азии и других регионах этот уклад, отчасти работающий в логике раздаточной экономики, но ориентированный на интенсификацию нетоварного домашнего хозяйства, действует за счет экономии базовых ресурсов. Так, например, филантропическая организация «Бельрив» С. Ага-Хана многие годы поставляла сельским жителям отсталых регионов Индии и Пакистана высокотехнологичные недорогие польские «буржуйки» с очень высоким КПД и обучала сельских жителей методике изготовления сенных корзин-термосов, позволяющих сохранять пищу горячей в течение суток. Упор на экономию домашних затрат и микро-сбережение ресурсов – вот что может стать катализатором для самодостаточного внутриукладного развития. А это и есть практические меры по сбережению населения, с которых начинаются шаги по направлению к хозяйственному подъему глубинки. Энергоэффективные технологии для разных укладов предлагают сегодня и лауреаты премии «глобальная энергия». Принципиально новые сегменты распределенных укладов разрабатываются и в быстро развивающихся технологиях системы «интернет вещей».

Все эти выборочные примеры приводятся как свидетельство того, что самозанятость, многоукладность и нетоварное производство не только сохраняются как рудименты прошлого, но имеют свою важную динамичную перспективу в деле формирования будущей личностно ориентированной экономики XXI века. Постановка, осмысление, изучение и решение этих проблем имеет гуманитарную, и государственную важность. Безмысленное отношение, вернее непонимание жизненно важных вопросов, касающихся судеб массы людей сегодня следует признать недопустимым. Слишком велика опасность появления новых несостоятельных регионов и высока гуманитарная цена экономического небрежения служения людям, чреватого эскалацией локальных и международных конфликтов, ростом геоэкономической нестабильности и бездумной растратой человеческого потенциала.

Возвращаясь к разговору о новейших политэкономических исследованиях необходимо отметить разработанную в СПбГЭУ Санкт-Петербургскими экономистами под руководством Д. Ю. Мирапольского евразийскую политическую экономию [3], а также закрытую симбиотическую теорию китайских экономистов, внешне оформляемую в виде конструкторов новых «шелковых поясов», транспортных коридоров и стратегических путей. И в том и в другом случае в качестве определяющего начала современного хозяйства предлагается категория «продукта», в его реальном и виртуальном состояниях, которая преобладает в данных построениях и оказывается равно применимой как к раздаточной, так и к рыночной экономике. В первом случае преобладает административная плановость, во втором – стратегическим планированием отрегулированная товарность. Их различные сочетания, комбинации и конкретные соотношения будут характеризовать ту новую хозяйственную специфику, которая развивается и в наступившем электронном веке.

Оценивая в заключение ближайшую и среднесрочную перспективы, мы видим, что и шестой, и седьмой технологический уклады будут развиваться не в однородном и родственном хозяйственном пространстве, а скорее наоборот: в сложном и противоречивом сопряжении с традиционалистскими укладами, обеспечивающими базовое выживание своему населению за счет максимального задействования недоиспользуемых и внеэкономически перераспределяемых хозяйственных ресурсов. Характеризуя нынешнюю ситуацию, «когда как показали оценки последнего Родосского форума [2016 г.], выход за пределы глобального геополитического и геоэкономического нестроения пока еще не виден, а целая серия сопряженных кризисов уже втянула большинство стран второго эшелона в сложный период длительной нестабильности», изучение востоковедами фундаментальных оснований обеспечения устойчивого самостоятельного существования разноукладных районных, национальных и региональных хозяйственных сегментов на Востоке является актуальной задачей [4]. Для ее решения мне представляется насущно необходимым продолжение начатого на нашей нынешней общероссийской конференции экономистов разговора в форме регулярно проводимых ежемесячных консультаций-совещаний специалистов востоковедов.

Литература

1. Бессонова О. Э. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск, Изд-во ИЭ и ОПП СО РАН, 1997, 76 с.
2. Фуко М. Рождение Биополитики. СПб.: Наука, 2010, с 249.
3. Евразийская политическая экономика: учебник/ под ред. И. А. Максимцева, Д. Ю. Мирапольского, Л. С. Тарасевича. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016, 767 с.

4. А. В. Малашенко. Исламская альтернатива и исламистский проект. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2006, 221 с.
5. В. М. Немчинов. Евразийская экономическая интеграция в условиях роста геополитической и геоэкономической нестабильности: потенциал многоукладности, самозанятости и внерыночных форм хозяйства // IV Международный Экономический Форум «Евразийская Экономическая Перспектива», сб. докладов под ред. И. Максимцева, Издательство СПбГЭУ, СПб.: 2016, 222 с.
6. Victor Nemchinov “Riding on the Waves: How to Dialogue with the East” // Russia in the Asia-Pacific Region: Challenges, Perspectives, Opportunities. Special edition of the Eastern Economic Forum. – Roscongress foundation. М.: 2016, 223 p.
7. В. М. Немчинов. Человекоразмерность новейших коммуникационных и информационных технологий: на пути к диалогическому знанию XXI века. // Сб. материалов XVI конференции «Наука. Философия. Религия»: Человек перед вызовом новейших информационных и коммуникационных технологий. М., 2014.
8. В. М. Немчинов. Смешанная экономика. Проблемы управления развитием. М.: Наука. 1994. 231 с.
9. В. М. Немчинов. “Теном” Востока: опыты и междисциплинарные возможности // Восток (Oriens), – 2004, № 6 с. 159.
10. В. М. Немчинов. Восприятие дуальности в мировом экономическом общении и становление современного технологического мышления // Сб. Страны Востока: социально-политические, социально-экономические, этноконфессиональные и социокультурные проблемы в контексте глобализации. Памяти А. М. Петрова. – М.: ИВ РАН, Центр стратегической конъюнктуры, 2012. – 282 с. Стр. 23–37.